

RU

О соотношении общелитературного и художественного словоупотребления в аспекте нормативной лексикографии (на материале повести В. А. Чивилихина «Над уровнем моря»)

Воронцов Р. И.

Аннотация. Исследование посвящено определению критериев, позволяющих оценить, насколько словоупотребление в художественном тексте соответствует общелитературной норме эпохи, что имеет большое значение для нормативной лексикографии, ориентированной на использование художественных текстов в качестве источников. Заявленная проблематика рассматривается в статье на материале словарных иллюстраций, извлеченных академическими толковыми словарями русского языка из повести В. А. Чивилихина «Над уровнем моря» (1967) – источника, во многих отношениях отвечающего требованиям нормативной лексикографии. Научная новизна исследования состоит в том, что лексикографический анализ ведется на пересечении эстетической и коммуникативной перспектив изучения художественного текста: учитывается, как автор интерпретирует различные функциональные разновидности литературного языка в речи нарраторов и персонажей. Сопоставление материалов словарей и реальных контекстов повести с учетом их функционально-стилистических, коммуникативно-нарратологических и эстетических свойств позволяет выявить ряд лексикографически значимых признаков художественного текста. Результатом исследования является разработанная система критериев релевантности художественного текста как источника общелитературного словоупотребления эпохи в нормативном толковом словаре.

EN

On the relationship between general standard and literary fiction word usage in normative lexicography (based on V. A. Chivilikhin's novella "Above Sea Level")

R. I. Vorontsov

Abstract. The purpose of the study is to establish criteria for assessing the extent to which word usage in a literary fiction text corresponds to the general standard language norm of the era, which is of great importance for normative lexicography oriented toward using fiction texts as sources. The stated problem is examined in the article using dictionary illustrations extracted by academic explanatory dictionaries of the Russian language from V. A. Chivilikhin's novella "Above Sea Level" (1967) – a source that in many respects meets the requirements of normative lexicography. The scientific novelty of the research lies in the fact that lexicographical analysis is conducted at the intersection of aesthetic and communicative perspectives of studying literary texts, taking into account how the author interprets various functional varieties of the standard language in the speech of narrators and characters. A comparison of dictionary materials and actual contexts of the novella, accounting for their functional-stylistic, communicative-narratological, and aesthetic properties, makes it possible to identify a number of lexicographically significant features of a literary text. The result of the study is a developed system of criteria for the relevance of a literary text as a source of general standard word usage of the era in a normative explanatory dictionary.

Введение

Предлагаемая вниманию читателя статья продолжает серию теоретико-лексикографических исследований, связанных с обсуждением перспективы развития академической толковой лексикографии русского языка, в частности лексикографического типа *большого толкового словаря* (Воронцов, 2022; 2023; 2024; 2025;

Воронцов, Приёмышева, Пурицкая, 2023; Воронцов, Стукова, 2025). Приближающееся завершение крупнейшего словарного проекта данного типа – «Большого академического словаря русского языка» (БАСРЯ, 2004-) в 35 томах – и неуклонное стремление лексикографической практики к цифровой трансформации диктуют сегодня необходимость выработки новых подходов и методологий словарного дела.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью решения заявленной в заглавии проблемы для построения новой *эмпирической базы* академической толковой лексикографии русского языка – корпуса текстов-источников, использующихся для обоснования лексикографических решений и иллюстрирования единиц словарного описания. Традиционным источником академической лексикографии была и остается образцовая художественная литература, обеспечивающая лексикографов достоверным и качественным материалом, но при этом обуславливающая ряд затруднений концептуального свойства. Главным из них является вопрос о том, насколько соответствует *художественное* словоупотребление норме *общелитературного* языка, действующей в каждый из исторических периодов, охватываемых словарем.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: 1) теоретически обосновать проблему соотношения общелитературного и художественного словоупотребления в аспекте нормативной лексикографии (с учетом эстетической и коммуникативной специфики художественного текста); 2) подобрать показательный для целей исследования художественный текст, использующийся нормативной лексикографией русского языка в качестве источника и проанализировать специфику его применения в академических толковых словарях (с учетом его сюжетных, композиционных и языковых особенностей); 3) выявить лексикографически значимые признаки выбранного источника, на основе которых, в свою очередь, будут выявляться общие критерии релевантности художественного текста для словарной репрезентации общелитературного словоупотребления эпохи.

Целью и совокупностью поставленных задач обусловлен выбор методов исследования. Так, при постановке проблемы и обосновании ее научной значимости применялся метод теоретического анализа, представляющий возможность системного обобщения узловых аспектов академической словарной традиции. Использование сравнительно-сопоставительного метода позволило отобрать из множества текстовых словарных источников один наиболее показательный в лексикографическом отношении. Поиск словарных материалов осуществлялся методом сплошной выборки, а установление и описание их роли и пропорции в словарном отражении общелитературного языка выполнялось с помощью индуктивного, описательно-аналитического и количественного методов. Наконец, методом научной экстраполяции на основе лексикографически значимых свойств изученного текста-источника выявлялись общие критерии соответствия художественного текста нормированному литературному словоупотреблению.

Материалом исследования стали словарные иллюстрации (цитаты), извлеченные академическими толковыми словарями русского языка из текста повести В. А. Чивилихина «Над уровнем моря» (1967) – источника, во многих отношениях идеального для нормативной лексикографии. Методология исследования предполагает сопоставление словарных цитат с реальными художественными контекстами повести с точки зрения их эстетических, функционально-стилистических и коммуникативно-нарратологических свойств. Результатом анализа является формулировка ряда лексикографически значимых признаков проанализированного текста и выработка на основе их обобщения системы критериев для установления нормативной значимости любого другого художественного текста-источника словаря.

Теоретическая база исследования представлена работами по теории лексикографии и общему языкознанию (Герд, 2013; Германова, 2018; Мустайоки, 1988; Пурицкая, 2026; Складневская, 1988; Щерба, 1974), теории художественной речи и методам ее изучения и словарного описания (Виноградов, 1971; 1978; Гайкович, 1982; 1989; Рахилина, Бычкова, 2022), специфике советского литературного процесса середины XX в. (Головенченко, 1993; Зеликина, 2023).

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов для формирования эмпирической базы нормативной толковой лексикографии при разработке новых академических словарей русского языка. Полученные результаты могут быть полезны в практике преподавания вузовских курсов общего языкознания (теория литературного языка), стилистики, лексикографии, корпусной лингвистики, филологического анализа художественного текста.

Обсуждение и результаты

Как известно, вопрос о соотношении литературного языка и языка художественной литературы, несмотря на длительную историю обсуждения (Германова, 2018, с. 70–80), до сих пор сохраняет дискуссионный характер. Для отечественной лингвистики особенно значима идея В. В. Виноградова (1971, с. 118) об образе автора как литературно-художественной категории, объединяющей в языке литературного произведения различные стилистические пласты национального (и в том числе литературного) языка. Такой подход позволяет непротиворечиво исследовать и описывать литературное словоупотребление того или иного исторического периода (или его «нормированный узус» (Мустайоки, 1988)) на языковом материале художественной литературы, хотя и требует постоянного учета эстетических задач автора художественного текста, нередко противопоставляющего свое употребление языка нормативному.

В российской научной и культурной традиции, воспринимающей язык как фундамент национальной культуры (в отличие, скажем, от утилитарного представления о стандартном языке как об инструменте коммуникации, характерного для англоязычной лингвистики) (Германова, 2018, с. 198), тесная взаимосвязь

представлений о нормированном литературном языке и языке художественной литературы органична. Ею обусловлено особое место, которое занимают художественные произведения, оцениваемые обществом как образец употребления языка, в генеральной совокупности русскоязычных текстов.

Такое положение дел приводит, однако, к тому, что нормативная толковая лексикография русского языка, традиционно опирающаяся на материал художественной литературы, оказывается в заложниках у неразрешимого противоречия. Г. Н. Складарская сформулировала его так: «Если в литературном языке реализуется принцип общепотребительности, главная функция слова – номинативная, ... то в языке художественной литературы все иначе: главный принцип – индивидуализация, главная функция слова – эстетическая» (1988, с. 92). Лексикографам, таким образом, приходится делать выводы об общем функционировании системы языка на основе анализа «бесчисленных индивидуальных употреблений» (Складарская, 1988, с. 92). И хотя вопрос о правомерности словарного описания нормированного узуса на материале художественных текстов, в сущности, относится к разряду риторических, он тем не менее характеризуется непреходящей актуальностью, поскольку именно художественная литература в ее лучших образцах составляет (и всегда будет составлять) ядро корпуса «обработанных и социально принятых текстов», определяющих сущностную специфику эмпирической базы нормативного (или, по Л. В. Щербе (1974, с. 265–278), «академического») толкового словаря (Воронцов, 2025, с. 86).

Таким образом, лексикографическая практика ставит теоретиков перед необходимостью определить более или менее осязаемые ориентиры, которые позволили бы отбирать художественные тексты-источники словаря, оценивая их с точки зрения способности достоверно выражать языковую норму своего времени. Несмотря на актуальность этой проблемы, обусловленную практическими нуждами, ей не уделялось должного внимания. Едва ли не единственным исследователем, специально занимавшимся данной проблемой, была Т. И. Гайкович (1982; 1989), разработавшая в 1980-х гг. концепцию «нормативного слова» и предложившая методику разграничения нейтральных, промежуточных и авторских контекстов (фрагментов текста) на основе учения Б. А. Ларина о «норме контекста» как особой норме, складывающейся в художественном произведении по мере его развертывания. Согласно этой концепции, базу для нормативной толковой лексикографии должны составлять нейтральные контексты, выражающие общелитературную норму, и отчасти промежуточные, допускающие некоторое затемнение «общего» элементами «своеобразного». Эстетическая же сложность авторских контекстов (и части промежуточных) препятствует их использованию в словаре для демонстрации общелитературного словоупотребления (Гайкович, 1982, с. 93–95).

Хотя в современной лингвистической литературе снова начинает обсуждаться «нормативно-художественная» проблематика в лексикографии (Рахилина, Бычкова, 2022; Кривоносов, 2025), важно подчеркнуть, что эта дискуссия не может быть исчерпана противопоставлением «авторского» и «общелитературного» в художественном тексте, у нее есть по меньшей мере еще одна – *коммуникативная* – перспектива.

Последняя связана с установлением релевантности художественного текста для отражения социальной и функциональной дифференциации литературного языка. Художественный текст, как правило, объединяет в себе многие разновидности нормированного узуса (книжную и разговорную, официально-деловую и просторечную, высокую и низкую, территориально и профессионально ограниченную и т. п.). Кроме того, через речь персонажей (а иногда и самого автора или рассказчика) в тексте могут проступать черты языковой личности, относящейся к определенной социальной группе (врачи, рабочие, инженеры, предприниматели, горожане, сельские жители и мн. др.). Любые свойства художественных контекстов, связанные со спецификой их функционирования (назовем их коммуникативными), должны учитываться при использовании этих контекстов в словарной работе, в частности при отборе слов, их семантизации и нормативно-стилистической характеристике. Однако решение этой задачи, хотя и является возможным в принципе, осложняется тем, что в художественном тексте, спаянном в неразрывную словесную ткань проекцией авторского замысла, все эти коммуникативные разновидности языка часто представлены синкретично.

В дополнение к сказанному необходимо подчеркнуть, что на каждом из этапов развития литературный язык представляет особый срез функционально-коммуникативных разновидностей, обусловленный историко-культурным и социополитическим контекстом эпохи. В разные периоды динамики нормы ее в большей степени определяют разные функциональные стили и подязыки: язык русской аристократической культуры начала XIX в. сменяется господством публицистических стилей в его середине, на смену языку дореволюционной разнотинной интеллигенции приходит язык новой рабоче-крестьянской интеллигенции советского времени, вторая половина XX в. отмечена ростом влияния научно-технических подязыков и т. д. (о социолингвистических факторах в лексикографии пишет А. С. Герд (2013)). В этой связи было предложено выделять в традиционном для отечественной лексикографии историческом отрезке «от Пушкина до наших дней» ряд сменяющих друг друга *нормативных периодов* – языковых состояний, характеризующихся относительной стабильностью нормы и определенным соотношением разновидностей литературного словоупотребления (Пурицкая, 2026). Таким образом, коммуникативная специфика нормированного узуса, отраженная в художественном тексте-источнике нормативного словаря, должна иметь точную историческую привязку к одному из этих языковых состояний.

Все сказанное выше, безусловно, требует детализации. В данной статье заявленная проблематика рассмотрена на конкретном текстовом и словарном материале. Результатом проведенного анализа является ряд положений, которые, вероятно, можно обозначить как *критерии релевантности художественного текста для репрезентации в словаре общелитературной нормы*. Тем не менее мы осознаем, что, пытаясь объективировать в этих критериях текучую материю художественного текста, вступаем на зыбкую почву, в связи с чем призываем читателя отнестись к изложенному как к попытке наметить общие ориентиры, которые могут направить лексикографическую мысль в то или иное русло.

Повесть В. Чивилихина «Над уровнем моря» как источник материала для нормативного словаря

Материалом исследования являются словарные иллюстрации из текста повести Владимира Чивилихина «Над уровнем моря» (Чивилихин, 1967, с. 391–606). Повесть видного советского писателя, вышедшая в свет в 1967 г., почти сразу после опубликования была включена в список источников для пополнения Большой академической словарной картотеки – организованного собрания литературных цитат, служившего эмпирической базой всех крупнейших академических словарей русского языка докорпусной эпохи (об истории Картотеки писала С. А. Эзериня (2022)). Вместе со многими другими произведениями советской литературы середины – второй половины XX в., расписанными на цитаты для Картотеки, повесть стала регулярным источником при подготовке второго издания «Словаря русского языка» (СРЯ, 1981–1984) под редакцией А. П. Евгеньевой (Малого академического словаря) и незавершенного второго издания «Словаря современного русского литературного языка» (ССРЛЯ, 1991–1994), послужившего, в свою очередь, основой для издаваемого ныне «Большого академического словаря русского языка» (БАСРЯ, 2004–). В названных словарях в общей сложности приводится 135 различных цитат из повести В. Чивилихина, что свидетельствует о большом значении, которое придавали лексикографы данному текстовому источнику. Исследование этого материала показывает, что важность повести для нормативной лексикографии обусловлена рядом ее сюжетных, композиционных и языковых особенностей.

Сюжет повести В. Чивилихина «Над уровнем моря» основан на реальной истории, произошедшей в тайге Горного Алтая в июле 1964 г. (за три года до публикации), когда сорвавшийся с осыпи и тяжело травмированный инженер лесоустroительной партии был в сложнейших условиях эвакуирован из каменной ловушки группой своих товарищей и случайно оказавшихся на месте равнодушных людей. Повесть написана в свойственной автору реалистической манере, во многом обусловленной его богатым журналистским опытом. Исследователи творчества В. Чивилихина часто пишут о «журнализме» (Головенченко, 1993, с. 6) или «документальности» (Зеликина, 2023, с. 57) как основополагающих чертах художественного метода писателя. И хотя известно, что сам В. Чивилихин относился к подобным характеристикам негативно – в том числе предостерегал и от восприятия повести «Над уровнем моря» как «фотографичной», – все же необходимо признать, что его «право на домысел и отбор» (1967, с. 605) реализовано в тексте на надежной фактологической основе.

Ярчайшей чертой композиции повести является ее полифоническая организация: текст разделен на 12 глав, каждая из которых написана от лица одного из персонажей. Авторский голос, таким образом, растворен в голосах 12 нарраторов, причем каждый из них не только рассказывает о происходящих событиях из первых рук, но и делится своими размышлениями, эмоциями, переживанием жизненных драм. Психологическая достоверность в изображении всех 12 нарраторов достигается в том числе за счет создания их точных речевых портретов, соотносящихся с социальной и профессиональной принадлежностью портретируемых.

Так, инженеры Легостаев (таксатор), Крыленко (конструктор) и Сбоев (радист), начальник лесоустroительной партии Симагин, врач Пиоттух – интеллигенты и профессионалы своего дела. Их речь представлена литературным языком середины XX в. (младшей нормы – у молодых Сбоева и Крыленко, старшей – у пожилого Пиоттуха) с элементами его разговорной разновидности и редкими, но всегда мотивированными вкраплениями просторечия. Другим субстратом речи этих героев являются языки (термины и профессионализмы) их специальностей: лесоустroительства у Легостаева и Симагина (*журнал таксации; квартальные столбы; расчетная лесосека*), машиностроения и организации производства у Крыленко (*зуборезчики; конвейер; карточка отступления от чертежа*), радиотехники у Сбоева (*выпрямитель; накальные аккумуляторы*), медицины у Пиоттуха (*жировая эмболия; скелетное вытяжение*).

Протагонистом повести является таксатор Виктор Легостаев, вокруг спасения которого разворачивается действие. Его глава – это не столько рассказ о событиях, сколько философская рефлексия о связи человека и природы, человека и общества. Через нарратив Легостаева автор исследует темы нравственной высоты человека, его одиночества перед стихией, необходимости бороться даже в безнадежной ситуации. По этой причине глава Легостаева изобилует книжной, философской лексикой (*снедающая ненависть; плодотворная мысль; глубинная гуманистичность общества*), его речь часто метафорична (*темный гроб* – о состоянии между жизнью и смертью после падения; *разгребать черноту и тяжесть* – о борьбе за жизнь).

Не только Легостаев, но и другие нарраторы передают элементы авторской рефлексии. Так, например, Андрей Крыленко, городской интеллигент, инженер-конструктор на машиностроительном заводе, мыслит производством и все время борется за его эффективность и качество, отважно вступая в конфликты с заводскими и партийными руководителями. В образе Крыленко угадываются восстанавливаемые по дневниковым записям черты молодого Чивилихина с его «болезненной реакцией на несоответствие базовых принципов советского общества и реальных условий окружающей его действительности» (Зеликина, 2023, с. 58). Другой персонаж, близкий автору повести, – врач Савва Викентьевич Пиоттух, представитель старой русской интеллигенции, долгие годы живущий в алтайской тайге и беззаветно служащий своему делу. «Страсть» Пиоттуха – это изучение истории и работа в архивах, которая началась с того, что в молодости он решил узнать все о декабристе Завалишине, своем предке. Именно так и сам В. Чивилихин пришел к осмыслению исторического процесса в романе-эссе «Память» (1984): его разыскания начались с поисков сведений о декабристе Н. Мозгалевском, потомком которого была жена писателя (Зеликина, 2023, с. 61).

Передавая устами нарраторов-интеллигентов свои размышления, даже сообщая им подробности личной биографии, В. Чивилихин создает в их главах образцы яркого и богатого литературного словоупотребления,

близкого ему самому. Этим образцам противопоставляются речевые портреты нарраторов, представляющих иные социальные группы. Так, руководитель объекта Сонц – антагонист повести, формалист и бюрократ, его главная цель – любой ценой выполнить план и снять с себя ответственность за происшествие с Легостаевым. Речь Сонца наполнена цифрами и канцеляризмами (*Вертолет стоит двадцать рубликов в час; перерасход средств; небеспеченность партии рацией*). Рабочий Александр Жамин, шашаник, бывший заключенный, на первый взгляд, грубый и циничный представитель «низового» народа, по мере развития действия оказывается чутким человеком, не жалеющим себя ради спасения таксатора. В его рассказе представлены элементы просторечия, жаргонизмы, блатная и бранная лексика (*ксивы; сгореть на туфте; припухнуть* – ‘пропасть, погибнуть’; *позырить*). Лесник Иван Шевкунов – местный житель, для которого тайга не место работы, а дом и источник жизни, – говорит «народным» языком, используя просторечные и областные слова (*гольцы; дурнина; шкодничать*) и профессиональную лексику таежника (*засидка; кедра; важенки; маральята*). Московский турист Котя – избалованный молодой человек, от скуки приехавший по турпутевке на Алтай и вынужденный принять участие в поисках Легостаева, – столкнувшись с реальной опасностью, преодолевает свой страх и боль. Он говорит как инфантильный городской юноша, все время иронизируя, пересыпая фразы сленгизмами и модными словечками (*балдеть; попижонить; брючки-эластик; твистовать; пейзанка*). Пилот вертолета Виталий Курочкин, профессионал высшего класса, с нежностью относящийся к своей «машинке» и с высокомерием к окружающим его «штатским», тем не менее идет на нарушение инструкций и, едва не разбивая вертолет, эвакуирует Легостаева из тайги. Речь Курочкина резкая, стилистически сниженная, изобилует авиационным жаргоном и профессионализмами (*В руках ручка и дерьма кучка; загреметь; схватить выговор; зависнуть; перезатяжеление винта*). Наконец, в речи еще двух нарраторов – охотника-алтайца Санаша Тобогоева и тракториста Геннадия Ясучени, приехавшего на целину из белорусско-украинского пограничья, – рассыпаны лексико-синтаксические маркеры их родных языков (*Найдем, однако...; Алтайцу тайгу давай* – у Тобогоева; *убаил; сусстрелся; размовляли* – у Ясучени) и лексика, связанная с родом их деятельности.

Так, обладая яркой индивидуальностью образов, все нарраторы повести являются типичными представителями конкретных групп советского общества. Не прибегая на всем протяжении текста (за вычетом вступления и послесловия) к авторской речи, В. Чивилихин попеременно помещает читателя в различные речевые потоки без какой-либо подготовки. Термины, профессионализмы, регионализмы и прочие малоизвестные слова никак не поясняются, за счет чего создается эффект полного погружения в сознание нарратора и обеспечивается достоверность и реалистичность повествования. Разнообразие же нарраторов позволяет создать многостороннюю картину описываемых событий и обеспечивает тексту большое языковое (в том числе лексическое) разнообразие.

Для нормативного (а точнее – нормативно-стилистического) толкового словаря, описывающего лексику литературного языка в широком спектре его функционально-речевых разновидностей (Воронцов, 2023, с. 95), повесть В. Чивилихина «Над уровнем моря» благодаря своей полифонической организации оказывается поистине идеальным источником. Эксплицитное разделение текста на коммуникативно и стилистически однородные фрагменты дает лексикографу надежные ориентиры для отбора описываемых единиц и их нормативно-стилистической характеристики. Использование той или иной единицы в речи одного из нарраторов само по себе в большинстве случаев свидетельствует о ее отнесенности к определенному коммуникативному пласту. Исходя из этой предпосылки логично предположить, что речь нарраторов-интеллигентов, непосредственно соотносящуюся с авторской, целесообразно использовать в словаре для иллюстрирования лексики литературного языка и его разговорной разновидности, тогда как речь нарраторов, представляющих иные социальные группы, может быть применена при описании слов ограниченного употребления: сниженных, специальных, областных и т. п.

Для проверки этой гипотезы мы проанализировали все 135 цитирований повести В. Чивилихина «Над уровнем моря» в «Словаре русского языка» (СРЯ, 1981–1984) и «Большом академическом словаре русского языка» (БАСРЯ, 2004–) (цитаты в ССРЛЯ (1991–1994) отдельно не учитывались, поскольку они продублированы в БАСРЯ (2004–)). В фокусе нашего внимания была нормативно-стилистическая характеристика единиц, отобранных из текста повести и подтвержденных им, а также ее соответствие коммуникативному типу словоупотребления, характерному для нарратора, из речи которого взята цитата.

Первым показательным результатом стала статистика: 84 цитаты из общего числа (то есть почти две трети) почерпнуты из нарративов персонажей-интеллигентов, ориентированных на использование литературного языка, и, соответственно, применены для иллюстрации литературной лексики. Это прямо соотносится с типологической спецификой нормативного толкового словаря, призванного описывать прежде всего литературное словоупотребление. Тем не менее в обозначенном подмножестве есть ряд примеров, используемых и для показа сниженной лексики; более того, среди цитат, взятых, напротив, из глав носителей жаргона или просторечия, присутствуют и такие, которые вполне можно счесть образцами литературной речи.

Дальнейшее рассмотрение лексики, иллюстрируемой в словарях цитатами из повести В. Чивилихина, позволило разделить ее на пять групп: 1) нейтральная литературная лексика; 2) лексика разговорной разновидности литературного языка; 3) нейтральная специальная лексика (в таких областях, как медицина, лесоустройство, машиностроение, авиация); 4) лексика профессиональных жаргонов и примыкающая к ней лексика «народной» речи, связанная с таежным промыслом; 5) просторечная лексика, в том числе бранная и жаргонная.

Нейтральная литературная лексика в анализируемом корпусе представлена 40 единицами, описание которых в основном сопровождается цитатами из глав Крыленко, Легостаева, Пиоттуха, Сбоева, Симагина и Сонца:

КАНАРЬЕЧНЫЙ – ‘ярко-желтый, цвета оперения канарейки’. А тут, наверху, все цветет, и больше всего желтых, канареечных, оранжевых красок (Симагин) (СРЯ, 1983, с. 25).

ОГРУБЛЯТЬ – ‘представлять в слишком обобщенном, примитивном, упрощенном виде’. *Мы привыкли огрублять, упрощать в своем воображении процессы, что происходят в кипучей плазме, называемой жизнью* (Легостаев) (БАСРЯ, 2009, с. 497).

РАЗГОН – ‘перен. подготовительный этап для осуществления какой-л. деятельности’. *Безо всякого разгона я начал говорить о том, что мы принимаем стандартные обязательства много раз в год* (Крыленко) (БАСРЯ, 2013, с. 270).

ПЕРЕМОНТИРОВАТЬ – ‘смонтировать (монтировать) заново, иначе’. *Я привел в порядок аппаратуру, перемонтировал кое-что* (Сбоев) (СРЯ, 1983, с. 80).

ПОСЧИТАТЬ – ‘произвести подсчет, сосчитать кого-, что-л.’. *У меня все время болит душа, что они там не так посчитают размер пользования и подрежут под корень экспедицию* (Сонц) (БАСРЯ, 2011d, с. 191).

Весьма характерно цитирование главы Пиоттуха – носителя старшей разновидности литературной нормы – для иллюстрации устаревшей единицы:

УЕЗЖАТЬ, УХОДИТЬ и т. п. **В ОТЬЁЗД** – ‘устар. уезжать, уходить в далекий путь, в другие места’. *На рассвете Нина Сергеевна снова пришла.. В глазах усталость и робость. Неужели она все же окончательно собралась в отъезд и боится мне об этом объявить?* (Пиоттух) (БАСРЯ, 2011a, с. 127).

Тем не менее небольшой ряд нейтральных литературных единиц (5 из 40) иллюстрируется цитатами из глав с выраженной социо-коммуникативной спецификой наррации. В этом усматривается несоответствие между стилистической характеристикой слова в словаре и его контекстным окружением, однако можно заметить, что в приведенных границах эти цитаты вполне отвечают требованиям нормативности, ср.:

КОСТЁРНЫЙ – ‘относящ. к костру, кострам’. *Я еще ночь пролежал в чуме, грелся костерными угольками* (Жамин) (БАСРЯ, 2007a, с. 529).

ПРИМЁШИВАТЬ – ‘смешивая, прибавлять к чему-л.’. *Я увидел, как.. все примешивают к щепотке табаку мох* (Курочкин) (БАСРЯ, 2012, с. 317).

ПРИМЕРЯТЬСЯ – ‘приноравливаться, приспособливаться к чему-л.’. *Перед вечером еще раз пролетел вертолет. Он долго урчал где-то сверху, может, примерялся к площадке* (Шевкунов) (БАСРЯ, 2012, с. 310).

Разговорная литературная лексика представлена в анализируемом корпусе 35 единицами, большинство из которых маркировано пометой *разг.* (иногда ошибочно *прост.* или без пометы). Среди этих единиц – *непутевость, превеликий, зауважать, пробить* (‘с трудом добиться осуществления чего-л.’), *корочки* (‘документ в твердом переплете’), *перекувыркивать, секретить, защищаться* (‘защищать диплом, диссертацию’), *вполглаза, цифирь* (‘шутл. и ирон. показатель чего-л., выраженный в цифрах’), *подпортить* и др.

Цитаты, иллюстрирующие эти единицы, по сравнению с первой группой лексики, распределены между нарраторами-интеллигентами и представителями других социальных групп более равномерно: около трети словарных цитат взято из речи Жамина, Курочкина, Коти и Шевкунова. Ср.:

ПЛАКАТЬ – ‘разг. оказываться не осуществленным (о чем-л. ожидаемом, желаемом)’. *Завербовался в Томскую область на лесоповал, но за зиму там кончились хорошие леса, и заработки наши плакали* (Жамин) (СРЯ, 1983, с. 131).

ДЕРЕВЯННЕНЬКИЙ – ‘разг. ласк. к деревянный’. *Деревянненькая турбаза стояла на высоком берегу озера* (Котя) (БАСРЯ, 2006a, с. 22).

СЁВЕРНЫЕ – ‘разг. то же, что северная надбавка. Друг рвется в Арктику: прохладно, мол, гладкие места, и работенки там много, и «северные» платят (Курочкин) (БАСРЯ, 2019, с. 230).

ПОСБИВАТЬ – ‘разг. сбить постепенно все, многое’. *Резиновые фабричные чуваки его вконец разорвались, и он до крови посбивал уже пальцы* (Шевкунов) (СРЯ, 1983, с. 312).

Такое соотношение видится неслучайным: промежуточное положение, которое занимает разговорная речь между книжно-письменным литературным языком и внелитературными сферами языкового употребления, обуславливает наличие разговорных единиц как в собственно литературной речи, так и в сниженных функциональных языковых разновидностях.

Специальная лексика, относящаяся к целому ряду предметных областей (30 единиц), широко представлена в анализируемом корпусе материала в силу содержательных особенностей повести. Медицинская лексика иллюстрируется в словарях цитатами из главы Пиоттуха (*бинтование, вытяжение, негатоскоп, иммобильность, межмышечный*), лексика лесоустройства – из главы Симагина (*верхушечный, квартальный (столб), лесопользование*), производственная лексика – из главы Крыленко (*операция, выверка, комплектующие*), авиационная лексика – из главы Курочкина (*поступательная скорость, промеривать (площадку для приземления)*), лексика лесничества – из главы Шевкунова (*долинные (леса), семенистый, маралий корень*). Ср. также:

КУРОПАТОЧЬЯ ТРАВА – ‘стелющееся вечнозеленое растение сем. розовых, произрастающее в основном в тундрах и высокогорьях’. – *А это – куропаточья трава? Рубчатые листочки идут прямо от корня и обрамляют светло-желтые чашечки* (Симагин) (БАСРЯ, 2007a, с. 806).

ВЫРАБАТЫВАТЬСЯ – ‘в проф. речи – истощаться, исчерпываться (о полезных ископаемых)’. *Все руды, а также топливные ресурсы постепенно вырабатываются, истощаются с каждым десятилетием все быстрее* (Легостаев) (БАСРЯ, 2005, с. 533).

ПРИТОНЕНИЕ – ‘действие по знач. глаг. притонивать’ – ‘вытаскивать, выволакивать закидной невод с уловом рыбы (тоню)’. *Попал как раз к притонению.. Бригада выбирала невод* (Жамин) (БАСРЯ, 2012, с. 518).

Единственная в словарях цитата из главы Ясючени иллюстрирует агроинженерный термин:

СЁЯЛОЧНЫЙ – ‘относящ. к сеянию семян, зерна, сеялке’. *Раз в субботу приезжает директор.. и подходит к моему сеялочному агрегату* (Ясюченя) (БАСРЯ, 2019, с. 456).

Таким образом, отбор словарного материала для показа специальной лексики осуществляется в соответствии с профессиональной принадлежностью нарраторов, хотя отмечаются и расхождения: термины лесоустроителей *перестойный (кедр)* и *перекидной (пункт)* иллюстрируются цитатами из глав пилота Курочкина и радиста Сбоева (соответственно), и, напротив, из главы лесоустроителя Легостаева взята цитата на медицинский термин *столбнячный (микроб)*. Несмотря на кажущееся противоречие, и в этих случаях цитаты вполне органичны, что объясняется, по всей видимости, общностью опыта героев повести и единством обстоятельств, в которых они находятся.

Симптоматично, что лексика предметных областей не сопровождается в словарях пометами: ее специальный характер выявляется в толкованиях, а также в единичных ремарках типа *в проф. речи*, которые на самом деле были бы более корректны при описании слов четвертой группы – профессиональных жаргонизмов. Представляется, что в данном случае с опорой на текст, столь явно демонстрирующий принадлежность лексических единиц к конкретным областям деятельности человека, следовало бы конкретизировать их словарное описание.

Лексика профессиональных жаргонов, иллюстрируемая в словарях цитатами из повести В. Чивилихина (15 единиц), в отличие от нейтральной специальной лексики, равномерно распределенной по главам разных нарраторов, сосредоточена в главах персонажей, склонных к внелитературному словоупотреблению. Сюда же можно условно отнести лексику «народной» речи, представленную в главах нарраторов-таежников (Тобогова и Шевкунова):

С ПОДЁРГОМ – ‘разг. употр. для обозначения резких движений рывками’. *Вокруг него вились пауты.. Рубил он здорово, с подергом* (Курочкин) (БАСРЯ, 2011b, с. 563-564).

ЗАСИДКА – ‘в речи натуралистов и охотников – укрытие для наблюдения за животными, птицами и т. п., для подкарауливания зверя, дичи и т. п.’. *Я прошлой осенью в засидке три ночи просидел, все быка ждал, и насмотрелся, как маралухи телят обучают* (Шевкунов) (БАСРЯ, 2006b, с. 495).

ДУРНИНА – ‘обл. всякое сорное растение; трава, негодная для корма’. *Нет ничего на делянке, кроме дурнины да кустов, шаром покати* (Шевкунов) (БАСРЯ, 2006a, с. 435).

МЕДВЕДИХА – ‘прост. то же, что медведица’. – *Сейчас медведя плохо встретить. – Почему? – Женятся. Свадьбы гуляют. – А какие это свадьбы? – Медведиха смотрит, а они борются* (Тобогов) (БАСРЯ, 2007b, с. 637).

В отдельных редких случаях, однако, слова этой группы иллюстрируются цитатами из глав нарраторов-интеллигентов. Это может быть связано с типичностью описываемой единицы для речи многих персонажей, участвующих в повествовании (например, актуальное метеорологическое сочетание *дать погоду* встречается в речи лесоустроителей, радиста и пилота вертолета), или с тем, что речь носителя литературной нормы подвергается влиянию сниженного словоупотребления (так, областное слово *берёзина* появляется в речи Сбоева, когда он рассказывает о совместной охоте с Шевкуновым). Ср.:

ДАТЬ ПОГОДУ – ‘о работниках метеослужбы – сообщить о благоприятных условиях для работы, полета и т. п.’. *Партия сидела на тюках; даже на рыбалку нельзя было сплавать, потому что каждый час синоптики могли дать погоду* (Симагин) (БАСРЯ, 2011b, с. 352).

БЕРЁЗИНА – ‘устар. и обл. то же, что береза’. *Прошлой осенью мы с ним взяли марала.. Срубили кривую березину, перевалили быка на сучья, поволокли* (Сбоев) (БАСРЯ, 2004, с. 550).

С точки зрения нормативно-стилистической характеристики слова данной группы описываются в словарях непоследовательно: используются пометы *прост.*, *обл.* и *разг.*, тогда как наиболее корректный способ характеристики профессиональной лексики – ремарки типа *в проф. речи* в структуре толкования – применяется редко (см. выше: *засидка*, *дать погоду* и не вполне точное *вырабатываться*).

Просторечная лексика в анализируемом корпусе (15 единиц) почти исключительно иллюстрируется цитатами из речи носителей внелитературных разновидностей языка (*приблудить*, *крючить*, *курачий*, *гробануться*, *дурило*, *склепать* и др.). Все эти слова сопровождаются в словарях пометой *прост.* (иногда *прост. неодобр.* или *грубо-прост.*) и представляют более или менее однородную в стилистическом отношении выборку. Ср.:

ЛИКВИДНУТЬ – ‘прост. однокр. к ликвидировать’. *После детдома я в МТС.. и все рвался куда-то, как бога, ждал паспорта, но когда год подошел, МТС ликвиднули, а нас – в колхоз* (Жамин) (БАСРЯ, 2007b, с. 190).

ПОДЫХАТЬ – ‘грубо-прост. употр. для обозначения крайней степени какого-л. состояния, чувства и т. п.’. **Подыхать от смеха, со смеху.** *Умора, как я-то попал в эту историю, просто подохнуть можно со смеху* (Котя) (БАСРЯ, 2011c, с. 268-269).

ЗНАТНО – ‘прост. замечательно, отменно’. *Я мог оценить эту работу, потому что до армии приходилось с топором иметь дело. Знатно рубил лесник!* (Курочкин) (СРЯ, 1981, с. 616).

Две просторечные единицы, однако, иллюстрируются в словарях цитатами из глав нарраторов-интеллигентов, что можно объяснить мотивированностью включения этих единиц в их литературную речь. Так, в обоих следующих случаях очевидно, что говорящий испытывает негативные эмоции в связи с поведением или особенностями личности другого человека:

ВЫЛАМЫВАТЬСЯ – ‘прост. неодобр. вести себя крайне неестественно, манерничая и ломаясь; кривляться’. *Радио наш больной [Легостаев] попросил выключить. – Говорит, что видит, как эта певица выламывается перед микрофоном, строит глазки на заграничный манер* (Пиоттух) (СРЯ, 1981, с. 263).

ЗАЛОЖИТЬ – ‘прост. выпить спиртного’. *Рано поутру явился в гостиницу посетитель [Жамин]. Он был небрит.., дышал в сторону – видно, заложил с утра* (Симагин) (БАСРЯ, 2006b, с. 310).

Таким образом, наша исходная гипотеза о корреляции между нормативно-стилистической характеристикой словарной лексики, проиллюстрированной цитатами из повести В. Чивилихина «Над уровнем моря»,

и функционально-коммуникативными разновидностями словоупотребления нарраторов повести подтвердилась. Преобладание в проанализированном корпусе материала единиц литературного языка (в том числе разговорного) и цитат из речи нарраторов – носителей литературной нормы соотносится с типологической спецификой рассмотренных – нормативно-стилистических – словарей. Использование текста повести в качестве источника нормативного толкового словаря позволяет непротиворечиво отразить в последнем русское литературное словоупотребление середины XX в. в его социальном и функциональном расслоении. При этом «документальная» художественная манера писателя и создание убедительной системы нарраторов, обладающих яркими речевыми портретами, соотносящимися с конкретными группами советского общества, отчасти снижают градус эстетической сложности художественной речи, сближая ее с реальным нормированным узусом литературного языка.

Критерии релевантности художественного текста как источника общелитературного словоупотребления в нормативном толковом словаре

Как с эстетической, так и с коммуникативной точек зрения повесть В. Чивилихина «Над уровнем моря» является идеальным для нормативного толкового словаря текстовым источником. Полифоническая организация композиции обеспечивает единство (если не тождество) нормы художественного контекста повести и нормы общелитературного употребления языка; кроме того, она способствует эксплицитному отражению в тексте реальной функционально-стилистической дифференциации русского языка, характерной для конкретного периода его истории. Анализ такого показательного в аспекте нормативной лексикографии источника позволяет выявить ряд его лексикографически значимых свойств, которые, как представляется, могут быть распространены на другие художественные тексты, используемые в качестве словарного эмпирического материала. На основании этих свойств формулируются *критерии релевантности художественного текста* как источника общелитературного словоупотребления эпохи в нормативном словаре. Система этих критериев может быть представлена следующим образом.

1. *Принадлежность художественного произведения к реалистическому направлению литературного процесса.* Художественный мир произведения, используемого в качестве источника нормативного словаря, должен быть максимально приближен к реальной действительности. Художественные реалии, обозначаемые единицами художественного языка, должны совпадать с реалиями действительного мира, обозначаемыми единицами языка общелитературного. Этим обеспечивается смысловая (денотативная) общность языка литературного произведения и языка реальной коммуникации общества.

Критерий единства действительности ограничивает использование в нормативном словаре любых жанров фантастической литературы. Даже при высокой степени сходства между реалиями вымышленного и действительного миров невозможно гарантировать тождество денотатов обозначающих их лексических единиц, что исключает саму возможность корректной семантизации слова общелитературного языка на основе такого источника.

2. *Единство времени создания текста и времени действия в тексте.* Время действия и время создания текста должны находиться в пределах одного нормативного периода, гарантируя единство языкового состояния, в котором существуют автор и персонажи произведения. Это означает, что и автор, и персонажи являются современниками и представителями одного языкового коллектива. В идеале среди персонажей должны быть люди, относящиеся к разным поколениям, что позволит показать отличия между старшей и младшей разновидностями действующей нормы. Выполнением этого критерия обеспечивается нормативно-историческая общность художественного и общелитературного языка, что чрезвычайно важно для нормативного словаря, описывающего «единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» (Щерба, 1974, с. 266).

Критерий единства времени заставляет с осторожностью относиться к использованию исторической прозы в качестве словарного источника. Несовпадение временных планов автора и персонажей нарушает принцип нормативно-исторического единства описываемого в словаре состояния языка. Поэтому, если авторская речь в таком тексте, как правило, может служить источником нормативного толкового словаря, то речь персонажей, всегда в той или иной мере стилизованная под норму словоупотребления прошедших эпох, показательна только для характеристики историзмов – нейтральных наименований исторических реалий.

3. *Преобладание в художественном тексте нейтрального типа словоупотребления.* По известному замечанию В. В. Виноградова, литературная норма ярче всего выражается в художественных текстах, созданных с использованием «нейтрального или нормального стиля общерусского литературного языка» (1978, с. 157). Это условие не исключает образные, эстетически нагруженные тексты из круга внимания лексикографов, описывающих нормированный узус, однако предпочтение должно быть отдано текстам, чьи авторы опираются в своей стилистике на общелитературное словоупотребление, подразумевающее нормативное использование лексических, семантических и синтаксических языковых средств.

Критерий нейтрального типа употребления языка резко ограничивает применение в нормативной лексикографии текстов, ориентированных на языковой эксперимент и разрушение линейной логики повествования. «Заумный язык» футуристов, интертекстуальная языковая ткань постмодернистских текстов, литература потока сознания – эти и многие другие разновидности художественного языка, намеренно нарушающего языковую норму и нарративную конвенцию, не могут рассматриваться в качестве источников нормативного словаря.

4. *Литературное словоупотребление в авторской речи и речи персонажей, выражающих авторскую позицию.* Речь автора, а также речь персонажей и нарраторов, как бы говорящих от его имени, должна соответствовать кодифицированному литературному языку. Отклонения от нормативного словоупотребления допустимы, однако они должны быть немногочисленны и мотивированы художественной задачей.

Критерий литературности авторской речи требует осторожности при использовании в лексикографии художественных текстов с высокой степенью стилизации, в частности произведений сказовой формы, где повествование ведется от лица нарратора, чья речь и мировоззрение отличны от речи и позиции автора. Так, например, многие произведения Н. Лескова, П. Бажова, Б. Шергина, В. Шукшина, несмотря на их языковое богатство и лексическое разнообразие, не могут служить основным источником нормативного словаря.

5. *Отражение функционально-коммуникативных разновидностей языка в речи персонажей.* Если речь автора текста и близких ему персонажей должна быть представлена литературным словоупотреблением, то в речи прочих персонажей могут проявляться различные функциональные разновидности литературного и – шире – национального языка: специальная, областная, просторечная, жаргонная и т. п. принадлежность персонажей к различным социальным, профессиональным и территориальным группам раскрывается в тексте в первую очередь через их речевые портреты. Опираясь на текст с выраженной речевой характерностью персонажей, лексикограф должен учитывать, чья именно речь представлена в отобранной цитате. Такой дифференцированный подход к цитированию речи персонажей с яркой социально-речевой характеристикой позволит точнее осмыслить описываемые единицы с нормативно-стилистической точки зрения.

Заключение

Предложенная система критериев позволяет оценивать художественный текст с позиции его соответствия задачам комплексного описания словарного состава литературного языка в нормативном толковом словаре. На основании этой оценки может приниматься решение о включении или невключении текста в эмпирическую базу нормативной лексикографии, а также могут устанавливаться ограничения на его использование для иллюстрирования отдельных групп лексики.

Выделенные критерии сформулированы на основе обобщения сюжетно-композиционных и языковых особенностей повести В. Чивилихина «Над уровнем моря» (источника целого ряда академических толковых словарей) и специфики взятых из ее текста словарных иллюстраций. Соотнесение персонажей-нарраторов с определенными социальными группами входило в замысел автора повести и потому проведено эксплицитно, что облегчает лексикографу отбор из текста цитатного материала и нормативно-стилистическую квалификацию иллюстрируемой лексики. При этом следует учитывать, что в большинстве художественных текстов функционально-коммуникативные разновидности языка представлены более синкретично и механическое применение показанных критериев не даст столь отчетливого результата. Думается, однако, что именно в направлениях, заданных этими критериями, должна двигаться мысль лексикографа, оценивающего художественный текст как источник общелитературного словоупотребления эпохи.

Перспективой исследования является практическое использование его результатов при отборе художественных текстов для эмпирической базы нормативной лексикографии. Применение разработанного инструментария тем не менее должно быть осторожным и взвешенным, так как вряд ли найдется достаточное для нормативного словаря количество текстов-источников, которые бы полностью отвечали предлагаемым критериям. Поэтому следует говорить не об однозначной квалификации текста как соответствующего или не соответствующего предъявленным требованиям, а о его *оценке*, допускающей различные степени соответствия и, следовательно, различные способы лексикографического применения источника. Для решения этой задачи должна быть разработана особая метатекстовая разметка, которая позволила бы формализовать использование предложенной системы критериев.

Материалы исследования | Research materials

1. БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2004-. Т. 1-29.
2. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2004. Т. 1: А – Бишь.
3. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2005. Т. 3: Во – Вящий.
4. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2006а. Т. 5: Деньга – Жюри.
5. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2006б. Т. 6: З – Зятюшка.
6. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2007а. Т. 8: Каюта – Кюрины.
7. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2007б. Т. 9: Л – Медь.

8. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2009. Т. 13: О – Опор.
9. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2011а. Т. 15: Отряд – Перевал.
10. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2011б. Т. 17: План – Подлечь.
11. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2011с. Т. 18: Подлечь – Порой.
12. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2011д. Т. 19: Порок – Пресс.
13. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2012. Т. 20: Пресса – Прodel.
14. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2013. Т. 22: Р – Расплох.
15. БАСРЯ. М. – СПб.: Наука; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2019. Т. 25: Свес – Скорбь.
16. СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. Изд-е 2-е / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981-1984.
17. СРЯ. М.: Русский язык, 1981. Т. 1: А-Й.
18. СРЯ. М.: Русский язык, 1983. Т. 3: П-Р.
19. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Изд-е 2-е / гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Русский язык, 1991-1994. Т. 1-6.
20. Чивилихин В. А. Над уровнем моря. Пять повестей. М.: Молодая гвардия, 1967.

Источники | References

1. Виноградов В. В. История русского литературного языка: избранные труды. М.: Наука, 1978.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.
3. Воронцов Р. И. Большой академический словарь русского языка: перспективы электронной реализации // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 3. <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2024-29-3-56-68>
4. Воронцов Р. И. Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа // История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2022.
5. Воронцов Р. И. К проблеме формирования эмпирической базы нормативного толкового словаря // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. Т. 84. № 5. <https://doi.org/10.7868/S2413771525050079>
6. Воронцов Р. И. Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. <https://doi.org/10.31857/s160578800028330-9>
7. Воронцов Р. И., Приемышева М. Н., Пурицкая Е. В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. <https://doi.org/10.17223/22274200/28/1>
8. Воронцов Р. И., Стукова Е. Г. В поисках единицы эмпирической базы большого академического толкового словаря: к вопросу о субъективности и объективности словарного описания // Вопросы лексикографии. 2025. № 38. <http://dx.doi.org/10.17223/22274200/38/1>
9. Гайкович Т. И. Закономерности словоупотребления в художественной речи (тексты художественной литературы как источник общей нормативной лексикографии): автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1989.
10. Гайкович Т. И. Материалы словаря М. Горького в аспекте общей лексикографии // Словоупотребление и стиль М. Горького: Описание семантико-стилистической системы писателя, сопоставительная характеристика стиля, принципы Словаря М. Горького: сборник статей / отв. ред. М. Б. Борисова. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1982.
11. Герд А. С. Академический словарь в свете современных социолингвистических тенденций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. Ч. 2.
12. Германова Н. Н. Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. М.: Либроком, 2018.
13. Головенченко С. А. Творчество В. А. Чивилихина в литературном процессе 60-х – первой половины 80-х годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1993.
14. Зеликина Н. С. Советский почвенник: размышления о мировоззрении В. А. Чивилихина // Ортодоксия. 2023. № 3. <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2023-3-52-73>
15. Кривонос И. И. К вопросу о текстах художественной литературы как источнике нормативной лексикографии // Ожеговские чтения (к 125-летию со дня рождения С. И. Ожегова): материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тверь, 16-17 октября 2025 г.). Тверь: Тверской государственный университет, 2025.

16. Мустайоки А. О предмете и цели лингвистических исследований // Язык: система и функционирование: сборник научных трудов / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988.
17. Пурицкая Е. В. К вопросу о периодизации русского литературного языка начала XIX – первой трети XXI в. в аспекте нормативной лексикографии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2026. Т. 85. № 3. <https://doi.org/10.7868/S2413771526030011>
18. Рахилина Е. В., Бычкова П. А. Русская классика XIX века и проблема лингвистического комментария (на примере «Героя нашего времени» Лермонтова) // Russian Literature. 2022. Vol. 131. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2022.03.005>
19. Складневская Г. Н. Категория образности и толковый словарь литературного языка // Советская лексикография: сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Русский язык, 1988.
20. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
21. Эзерина С. А. К 135-летию Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН // История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2022.

Финансирование | Funding

- RU** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00070 «Эмпирическая база большого цифрового академического словаря русского языка: разработка принципов формирования», <https://rscf.ru/project/25-28-00070/>.
- EN** This research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-00070 “The empirical base of the great digital academic explanatory dictionary of the Russian language: to the development of the principles of formation”, <https://rscf.ru/project/25-28-00070/>.

Информация об авторах | Author information

- RU** **Воронцов Роман Игоревич¹**, к. филол. н.
¹ Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург
- EN** **Roman Igorevich Vorontsov¹**, PhD
¹ Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
- ¹ roman.vorontsov.86@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.10.2026; опубликовано online (published online): 16.10.2026.

Ключевые слова (keywords): русский язык; нормативная толковая лексикография; словарная эмпирическая база; общелитературное словоупотребление; художественный текст; Russian language; normative explanatory lexicography; dictionary empirical base; general standard word usage; literary fiction text.